

Переезд

Долго, будто судёнышко в шторме, мотало нашу семью по северам, по захолустьям – стройкам, партиям, приискам. Никогда-то у нас не было своего дома, своей квартиры, своей, как не без скорбной насмешливости говаривала мама, «норки», мы бывали «квартирантами», «жильцами», «завербованными», мы и проживали не всегда вместе, семейством. Но вот наконец-то заводь, о которой так мечтала мама и которая совсем не по сердцу была папке – неисправимому бродяге и непоседе.

Елань хотя и большой посёлок, но по-деревенски тихий, патриархальный, можно сказать. Лишь на берегу пыхтел, скрежетал и чихал, как старьёй дед, лесозавод. Он неспешно и лениво всасывал в своё металлическое нутро бесконечный караван бокастых брёвен, а те с важностью тянулись вначале по реке Еланке, а потом по бассейну, и выбрасывал из себя золотисто светившиеся доски, развесёлые вихри опилок и кучерявых стружек.

С полгода назад мы прибились к Елани, помыкались в тесном домке у маминогo брата дяди Пети и вот сегодня перебираемся на новое местечко, в «казённый» – услышал я от взрослых новое для меня слово («казёльный» – не смог выговорить, рассмешив всех нас, мой пятилетний братишка Сашок) – дом, который папке, устроившемуся на завод грузчиком, дали вне очереди, потому что мы – большая семья.

Жаркий, но духовитый – «яблоневоый», сказала мама – ветер июня голубит моё лицо. Навалы стружек, опилок и дроблёной древесины, которыми